

Любовники Роны

Перевод с французского и вступление Нины Хотинской

Коррида бывает не только в Испании. Каждое лето она проходит и в Арле — городке на юге Франции, в Провансе, где приобретает некоторую экзотичность: все-таки ритуальное убийство быка — это часть испанской, а не французской культуры.

Накануне корриды в Арле встречаются двое: женщина по имени Мирей, думающая о смерти, и Мужчина “с сумрачным взглядом, пронзающим сердце насквозь, словно меч”.

Бельгийская писательница Эдит Соонкиндт рассказывает легенду о любовниках Роны (реки, на которой стоит Арль), легенду, придуманную ею и неотделимую от ее любимого города. Нет, это не туристический Арль, хотя есть в тексте и лабиринт кривых старинных улиц, и слепящее южное солнце, и уютные терраски кафе, и даже призрак Ван Гога, чья личность ныне визитная карточка этих мест. Но в центре внимания писательницы — история внезапно вспыхнувшей любви, помноженная на миф. И не только миф о “корриде любви” (тема, много раз отыгранная в культуре Средиземноморья — от Пикассо до Альмодовара), но и миф о Минотавре и нити Ариадны: ведь у Мужчины-с-улицы, трагической и мгновенной страсти героини этой истории, — голова Быка, и, следовательно, именно ему суждено про-

вести ее по лабиринтам любви, заканчивающейся смертью. Жаркая пляска старой цыганки — аккомпанемент этой мистерии Эроса и Танатоса в пестром, многоголосом и невыносимо душном городе со знаменитой древнеримской гробницей Алискамп¹, чьи старые камни хранят память как о языческих античных культах, так и о христианских мучениках. Алискамп здесь — и гибельный зов смертоносной страсти, и пристанище мгновенной любви, и личный — для автора — “символ” Арля.

В посвящении читатель увидит много имен. Все это переводчики и писатели, в разное время стажировавшиеся в арльском CITL² и встречавшиеся с автором “Любовников Роны”. Как и положено рассказу, в котором коррида оборачивается праздником, а любовь соседствует со смертью, Эдит Соонкиндт посвящает свое произведение и живым, и умершим коллегам.

Фернандо, Мари, Марии и Нине,
а также Михалу, Бранко, Петре и Алену
и всем из CITL в то сказочное лето,
Каролин, Кристин, Клоду и Изабель,
не забыть бы еще Мехди Сахаби и Жан-Жака Селли,
ушедших с тех пор.

Там, в Арле, в Алискампе, в ясный день,
Когда на розах призрачная тень, —
Так жутковат ее багрец зловещий, —
А воздух сладок, нежны вещи, —
Остерегись того тепла,
Чья ноша слишком тяжела
Для сердца смертного, что так трепещет...
Умолкни, воркованья рокот вещей!
Скажи тихонько: да, любовь была,
И пусть кругом могил забытых мгла³.

ПОЛЬ ЖАН ТУЛЕ

1. Алискамп — большой римский некрополь, расположенный неподалеку от стен старой части Арля: внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Раньше этот некрополь был самым известным, считается даже, что именно он описан в поэме Лудовико Ариосто “Неистовый Роланд” и с него написан “Ад” Данте в “Божественной комедии”.

2. Collège International des Traducteurs Littéraires — Международный колледж художественных переводчиков (*фр.*).

3. Перевод Д. Савосина. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Там, в Арле, в Алискампе, в ясный день...

Нашептывает лень, что жизнь неспешна.

Здесь прячутся за ставнями, они разноцветные, крыши розовые, а на окнах сушится белье, обрывки, украденные у ветра.

Дома прохладны, люди приветливы, рынок вам улыбается.

Летом здесь влажно, летом здесь томно, и тысяча солнц сверкает в белом калейдоскопе.

Городок, погруженный в летаргию, провинциальный городок, каких много.

Вот только Время здесь обладает странным свойством, оно как будто неподвижно.

И река, что течет здесь, тоже неподвижная, привлекает множество прохожих.

Кто не слышал легенду о Любовниках Роны?

Дважды в год, однако, город бывает охвачен огнем, безумием и страстью, он становится в эти дни неузнаваемым, кровавым, скажут иные, как будто жители его не те, что прежде. И Время тогда течет исступленно.

Выплескиваются на улицы лошади, быки, наездники и аттрапперы, а за ними плотная толпа; вечерами она шатается от бодег¹ к бодеге под исступленные звуки музыки латинос или под гитары цыган, сидит за столиками перед огромными порциями паэлы, пляшет, поет, кричит! Мужчины кричат, что мир принадлежит им, как и все в этом мире женщины.

Кричат мужчины и Мужчина-с-улицы среди них.

Он невысок, необязательно красив, но есть в нем что-то, о чем стоит упомянуть; в том числе занятные татуировки на руках — белый бык и кораблики с темными парусами — и плотская чувственность, сумрачный взгляд темных глаз, пронзающий сердце насквозь, словно меч, если вы осмелитесь этот взгляд встретить.

Женщина и Мужчина-с-улицы встретились там, в бодеге, где все пьют; накануне корриды.

История может начаться.

Мощная, завораживающая и отчаянная.

1. Атрапперы, или ловцы (от *фр.* attrapeur), — молодые люди, сопровождающие от пастбищ до арены быков, разводимых в болотистых районах Камарга в дельте Роны. Бodega (от *исп.* bodega) — кабак.

Внезапно Арль больше не понимает, что для него возможно, осуществимо и даже желанно. Исступление города становится заразным. Сангрия и мохито туманят мозг, крики и музыка тоже. Чего ты хочешь — не знаешь, кто ты — не ведаешь. Блуждаешь в поисках себя под звуки пеньяс и фанфар, и в то же время... В то же время, когда случается такая встреча, как между женщиной и Мужчиной-с-улицы, следует остерегаться.

Потому что они друг на друга посмотрели.

Потому что они друг друга оценили.

Ее зовут Мирей, имя нарицательное в этой части света. Особенно когда речь идет о любви, и о проклятой любви, если только ей не препятствуют. В Арле (в Алискампе в ясный день, где все мертво). Поэтому мы предпочтем говорить *женщина* и больше не называть ее по имени.

Они не коснулись друг друга, пока еще нет, только возжелали (это видно по их губам, по их коже, даже по их волосам), они смотрят друг на друга, оценивают друг друга, говорят глазами, только глазами.

Они думают о том, что будет, когда они друг друга коснутся.

Думают, что, наверно, это будет нестерпимо и даже нежелательно.

Они ходят кругами, уклоняются, юлят. Это танец будущих любовников, тут никто не ошибется, и уж тем более цыгане, которые своими хриплыми голосами запевают душераздирающее фламенко. Унизанные перстнями, мечутся их руки.

Это почти брачный танец, он столь же непристойен, сколь и свят.

Жребий брошен.

Брошены и несколько слов.

Мужчина-с-улицы говорит *Мы с вами едины плоть*.

И добавляет *Завтра, когда я буду строить дома, я подумаю о вас*.

И снова смотрит на нее.

Толпа затаила дыхание, толстая цыганка в переднике и с цветком в волосах даже прервала свою песню и не бьет больше в бубен.

Однако почти сразу же, как только окончен их танец, Мужчина и женщина бегут друг от друга.

Потому что они знают.

Что следует подождать.

У них есть время, здесь неподвижное, они еще встретятся, на площади Форума, на арене, где-нибудь.

Там, где лучше остерегаться нежности вещей?

Если только сейчас Время тоже не уклоняется, не пляшет и не юлит, утратив обычную свою томность, это Время в праздничном одеянии, и оно больше не дружит с головой.

* * *

Назавтра с утра пораньше женщина будет ходить по рынку в запахах мяты и базилика, среди ребристых дынь и круглых белых баклажанов. Она не хочет видеть Рону, которая, однако, совсем близко, но женщину будто какая-то сила не пускает. Или же безошибочное чутье защищает ее? Как знать, что мы думаем, что думаем *на самом деле*?

Потом, пополудни, она покинет свой отель и отправится к арене.

Рисовая феерия¹, первая коррида.

Тут же на нее наваливается жара, и она говорит себе *Хороший день, чтобы умереть*, под свинцовым солнцем, в летней тягости, в оцепенении, легшем на плечи жарким плащом. Когда солнце здесь и обливает вас, умереть — не слишком дорогая плата за то, чтобы приветствовать его.

Колокола Святого Трофима прозвонили четыре часа, еще час до пятого часа, когда...

A las cinco de la tarde².

Она помнила.

Стихотворение Лорки, расстрелянного на рассвете 19 августа у источника, называемого “источником слез”.

Она подумала, через час будет бык. Он тоже, должно быть, слышал звон, но и не догадывался, что в пятый час... Человек — единственное животное, которое знает, что умрет. Четыре раза прозвенели колокола похоронным звоном, и другие люди, среди них и она, много других людей, собравшихся теперь вокруг арены, устремились туда плотной и суетливой толпой.

1. В Арле празднества корриды совпадают со временем уборки риса.

2. В пятом часу пополудни (*исп.*) — рефрен из стихотворения Федерико Гарсиа Лорки “Удар быка и смерть” в переводе М. Зенкевича.

Не зная, к чему идет, в голове она держала восковые свечи, склоненные головы, бесконечный гомон толпы или царственное молчание, торжественность, почтение — казнь, высшая мера, требует почтения!

*Ave Maria, gratia plena, dominus tecum benedictus a tu in mulieribus et benedictus fructus tuum (cinco) AveMaria gratiaplenadominustecum (cinco, cinco) benedictus a tu in mulieribus et benedictus fructus tuum (cinco)*¹.

Но город Арль шумит в это время, и на площади она увидела лишь беспечность и улыбки — и опять эта давящая жара, — гвоздики белые, розовые, красные (gojo²), и услышала все их мелодии.

Она уже не знает, что думать и надо ли молиться. Она растеряна.

У быков есть имена: Сарсаль, Эмботельядо, Алькансио, Инвинсible, Эсептико и Адинерадо³, они из хозяйства Сальдуэндо.

Значит, это не будет сыграно в одном-единственном акте, как думала она.

Эспартако, Эль Хули и Хуан Батиста — так зовут тореро, среди них есть знаменитости, говорят ей, эти три имени она запомнила, она в этом ничего не смыслит. Она знает только солнце, жизнь и Время, неподвижные, но не очень хорошо их переносит. Всех троих.

Она говорит себе, что идет смотреть спектакль о любви и смерти.

Он наверняка ее взбодрит.

Она говорит себе, что немного побаивается того, что увидит там и откроет в себе тоже.

Ей не надо было идти одной.

Она вспоминает Мужчину-с-улицы, это неизбежно.

Защитил бы Он ее от нее самой?

Вчера вечером ей надо было остаться, не покидать Его, не покидать Его.

1. Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего (лат.).

2. Красный (исп.).

3. Говорящие клички: от исп. zarzal (заросли ежевики), embotellado (разлив вина), invincible (непобедимый), escéptico (скептик), adinerado (денежный).

Под звуки пасодобля первая коррида, за которой неотвратимо последуют вплоть до шестой: альгвасилы, пасео, пеон, пикадоры, матадор, и первая терция; и вторая терция; и терция смерти; монтера, мулета, фаэна!

Уже к концу первой корриды с ее первой пляской любви и смерти она обескровлена, пришиблена, солнце и крики ее одолели. Она ни на миг не может себе представить, что это придется пережить еще раз, и еще четыре. Танец красив, зрелище завораживает, музыка тоже, но ее сердце слишком хрупко, чтобы переживать подобные эмоции шесть раз кряду. Тем более одной.

Сие есть кровь моя.

Сие есть тело мое.

Вот примерно какими словами должен думать бык, говорит она себе, или, вернее, быки.

Но это ее не утешает.

Еще она думает *Как странно, что завтра об этом уже не будут говорить*, разве только афисьонадос¹.

Все следы сотрут, кровь смоят, никто больше ничего не увидит.

Завтра.

Но пока она здесь, сегодня.

Еще на пять коррид.

И уйти, кажется ей, будет трудно.

В этом промежутке от первой смерти до следующей, когда чистят песок, чтобы рассеялся запах крови, и внушают новому быку, что танец будет легок, очень легок, она попыталась отвлечься, вспоминая, как побывала на пустой арене утром несколько дней назад.

Она помнит, что уже было жарко, что она *слушала жару*, пропитывалась ею (на месте 146).

Но через пять минут ей пришлось встать.

Возвращение, аркады, прохлады и полосы расколотого света.

Жара, аккуратно приглаженный песок, красная ограда (быки, было там написано), горячо.

Прохлады,

жар,

красное,

1. От исп. aficionados — болельщики, фанаты.

темное.

Sol y sombra.

Rojo,

negro,

*rojo rojo rojo!*¹

Она хотела бы отступить, быть не здесь, а за закрытыми ставнями своего номера в отеле или на тенистой террасе кафе на бульваре де Лис, с Ним, она хотела бы, хотела бы, хотела!

Но зрелище неотвратимо, как солнце, и ей никуда от них не деться.

Пот течет по всему ее телу, оно в испарине, влажен лоб, влажно и платье, а кроваво-красный веер ничего не дает, так непреклонна сила солнца, тоже почти похожая на смертный приговор.

Снова звучит музыка, и вот женщина во второй раз сталкивается с неизбежным, с неизбежностью Времени и солнца, и то и другое неподвижны, а истина ее сердца сожжена заживо.

Под звуки пасодобля вторая коррида, альгвасилы, пасео, пеон, пикадоры, матадор, и первая терция; и вторая терция; и терция смерти; монтера, мулета, фаэна!

Крики осаждают ее со всех сторон и еще больше оглушают. Она говорит себе — быстро, очень быстро, — что если бы эти люди задумались на минутку, то поняли бы, что приветствуют собственную смерть. Она спрашивает себя, умрет ли и Мужчина-с-улицы однажды?

И дрожит.

От мыслей о Нем ее будет бросать в дрожь, всегда.

Скоро она затаит дыхание, скоро она будет здесь и не совсем здесь, она это знает.

Она это чувствует.

Скоро неподвижной будет она.

В этом промежутке от одной казни до другой, когда чистят песок, чтобы рассеять запах крови, внушить новому быку, что танец будет легок, очень легок, она вспоминает, как, посетив арену, увидела террасу, затененную большим деревом, “Бар арены”, и уловила рев мопеда, который всегда будет значить для нее Юг всего мира.

1. Солнце и тень. Красный, черный, красный, красный, красный, красный! (Исп.)

Был еще звон монетки, упавшей на стул, и стук костыля одноногого с болтающейся культей.

Она вспоминает, как услышала, все тогда же, на арене, *Коррида – это надо увидеть хотя бы раз в жизни. Конечно, это кончается плохо для быка*, добавила дама. А другая отозвалась, озираясь *Ух ты, какие они истертые, все эти камни.*

Она цепляется за эти простые слова, которые вызывают у нее улыбку, за простую жизнь (совсем недавнюю), она хочет улыбаться еще и еще, иначе солнце ее убьет.

Если бы здесь был Мужчина-с-улицы.

Она думает о нем, думает, думает.

Не надо было Его покидать.

Но третья коррида прерывает ее мысли.

И звуки пасодобля.

Альгвасилы Пасео Пеон Пикадоры Матадор!

И первая терция, и вторая терция, и терция смерти!

Монтера, мулета, фазна!

“Ла крус”, “Ла крус”¹!

Смерть, ею полна ее голова, и в промежутке между третьей смертью и следующей она вдруг видит повсюду гладиаторов; это была когда-то их территория.

В мозгу проносятся фразы:

И тысяча гладиаторов с их гордыми мечами; я чувствовал их, они всегда были здесь, потя страхом, потя кровью.

Крики, возгласы несутся со всех сторон, и гордые гладиаторы...

Крики, возгласы несутся со всех сторон, и великолепные тофео...

Она говорит себе:

Все смыкается.

Потом:

Слова заглушают желание.

И еще:

Меня больше нет.

Четвертая коррида.

Не надо больше повторять себе, это долго и бесполезно, а она — она устала.

В промежутке между четвертой смертью и следующей еще одно видение занимает ее и может свалить с ног, солнце возмет над ней верх, не в ее силах бороться.

1. От исп. “La cruz” — “Крест”, название пасодобля.

Она видит мужчину, бегущего от одного конца арены к другому, но это не Он, нет.

Это высокий рыжий мужчина, он кричит *Kijk, kijk, kijk*¹, кричит трепещущей толпе, но никто не понимает. В этом городе все равно никто его никогда не понимал, история не нова.

Тогда он смотрит на небо и говорит, теперь по-французски, говорит, что видит тысячу солнц и все судьбы мира.

Потом, приплясывая, раскрывает ладонь, в которой лежит ухо.

Он говорит, что это ухо не быка (высшая награда); он говорит, что это его ухо. Говорит, что это его ухо, что он сам его отрезал, чтобы подарить женщине, и толпа трепещет.

Завтра, когда смоют кровь, толпа прогонит его из города, пусть идет куда хочет в поисках тысячи проклятых солнц, изливаться изо рта крики и краски, точно лихорадочную рвоту.

Внезапно она представляет себе застывшую арену, потом рыжего мужчину, который проходит величаво с подсолнухом в вытянутой руке.

Внезапно она представляет себе двух рыжих мужчин, которые проходят величаво, и у каждого в вытянутой руке подсолнух.

Внезапно она представляет себе трех рыжих мужчин, четырех, десять, сто, только они и есть, тысячи рыжих мужчин заплотили застывшую арену и танцуют танец любви и смерти, каждый с подсолнухом в вытянутой руке.

А в небе, в глущем небе, тысяча солнц, предвестников всех возможных смертей.

Она говорит себе *А я вчера, не сошла ли я уже с ума от этого Мужчины-с-улицы*, но бьет час пятой корриды.

Вы знаете теперь, вы знаете.

И в промежутке между пятой смертью и следующей, пока солнце и Время, неподвижные, продолжают делать свое дело, она снова думает о Нем, о Мужчине-с-улицы, несравненном танцоре, это неизбежно.

Мы с вами едина плоть.

Завтра, когда я буду строить дома, я подумаю о вас.

Фразы крутятся в голове, куда от них деться?

Едина плоть, едина плоть, завтра, дома, о вас.

И эти фразы повторяет, повторяет, повторяет солнце.

1. Смотри, смотри, смотри (нидерл.).

Потом слышит в своей голове, измученной тем же солнцем, *Я проводник в Лабиринте*, но она не понимает.

Не может понять, еще слишком рано.

Когда выводят шестого быка, у нее уже не хватает духу, она мертвее мертвого.

Сие есть кровь моя, и я дарую вам ее, говорит она себе, сама уже не зная, что говорит.

Сие есть кровь моя, и я дарую вам ее, говорит она себе снова, сама уже не зная, что говорит.

И это солнце, и это Время.

И это солнце, и это Время.

И тогда она, зажмурившись, забивается внутрь себя самой, подальше от всех этих криков, от всей этой жары, от всего этого света, подальше от всех этих людей, подальше от арены и от жизни, да, можно и так сказать.

И она представляет, что будет ночь, что она останется одна на арене и что Мужчина-с-улицы найдет ее, Ему довольно будет следовать за Ею, только Ею словами, запертыми в ее голове.

Мы с вами едина плоть.

Была их встреча, там, в бодеге, и потом мир вокруг как будто вывернулся наизнанку.

Будет до и будет после, она это знает.

Она сказала себе, что будет битва, между нею и Им, роковая битва руками, ногами, ногтями, губами, не забыть бы еще о зубах.

И только луна посмеет на них посмотреть.

Едина плоть, плоть, плоть.

Слова будут звучать и отдаваться эхом под каждой аркадой.

Так берегись любви моей (моей моей моей)?

Ей снова видится их вчерашний танец, который мог бы быть танцем священным или танцем быка, почему бы нет?

Медленно, сначала медленно.

Двигаться, колыхаться

чуть-чуть ноги, потом

руки

грация

лихорадочна

подбородок поднят, глаза

прямо
шаг вперед, шаг назад
дать, а потом
отнять
бросить вызов,
вызов и
ударить!
Дать и отнять
открыть и закрыть
бить, царапать
руки
шаг вперед, шаг назад
глаза
дикие
губы
сладкие
красные (гојо)
не хватает только
красного (гојо) его сердца
потом взгляды
руки
удары слабеют, остались только
неспешные укусы?
Уклониться,
уклониться.
Медленно, медленно.
Вонзить
двигаться, колыхаться
чуть-чуть ноги, потом —

Едина плоть, какой-то Мужчина кричит, разоряется, бега-
ет от аркады к аркаде вокруг арены, из угла в угол, взбегаёт по
трибунам до самой башенки, ничто Его не уймет:

Он хочет, Он желает, Он кричит!

Он кричит.

Но никто Его не слышит.

Вновь открыв глаза — снова жара, музыка, крик, свист, не
говоря уж об аплодисментах, — вновь открыв их, она узнаёт,
что Эль Хули помиловал Инвинсибле за его мужество — ред-
кий факт, объяснят ей позже. А она этого не видела, под солн-
цем и Временем, равно неподвижными, не видела единствен-
ной корриды, которую смогла бы смотреть.

Спектакль окончен.

Надо выйти, но она оглушена, растеряна, сама не своя, она даже не знает, что именно только что видела. Пропустив помилование Инвинсибле, она запомнила только кровь и смерть в пяти предыдущих корридах, *sangre y muerte, muerte y sangre*¹, все это смешалось теперь в ее бедной голове.

И она идет, не обращая внимания на толпу, вернее, пытаясь не обращать, но невозможно, так эта толпа плотна и суетлива.

Она идет до бodeги, где увидела Его вчера вечером, ей *надо* Его отыскать, иначе и быть не может. Она не должна была Его покидать. Она говорит себе, что помилование Инвинсибле, хоть она и не видела его, должно быть, добрый знак, она *сейчас* Его отыщет.

Вот только она уже толком не знает, ни кто она, ни где находится.

Солнце смерти, солнце и смерть.

Там, в Арле, в Алискампе в ясный день, когда на розах призрачная тень, так жутковат ее баgreц злоеущий?

Никто бы в это не поверил.

Она ищет на террасах и не видит Его нигде, она почти в отчаянии.

Однако те же цыгане здесь. В том числе толстая, в переднике, с цветком и бубном, она поет охрипшим голосом и смотрит на нее с опаской. Ее пение красиво, ее пение печально, словно крик, вырвавшийся из сердца ночи, сумрачная жалоба. Цыганка делает ей знак, но женщина не понимает его, нет. Однако же это важный жест, из тех жестов, которыми не любят злоупотреблять и которые...

И вот, не понимая, что солнце уже скрылось, но Время по-прежнему неподвижно, она пьет, к чему она мало привыкла.

Она пьет *Сангре де торо*, бычьей кровью, это подходит к случаю, среди запахов жареных сардин, пения, криков, смеха, танцев, всего этого исступления. Но в ее состоянии — не зная, где она находится, не узнавая себя, — смех, крики и пение приглушены, словно они где-то очень, очень далеко, на другом конце света.

Там, в Арле, в Алискампе, в ясный день.

Она никогда не могла запомнить это стихотворение Туле, еще одного влюбленного в этот город, прекрасный и том-

1. Кровь и смерть, смерть и кровь (исп.).

ный, ставший сегодня кровожадным, словно под гнетом злых чар.

А она сама не своя; в конечном счете она всегда была такой.

[190]

ИЛ 2/2024

И ночь наступает своим чередом, и в небе цвета прусской лазури тысяча подсолнухов трепещет и рассказывает ей другую историю, чтобы разорвать эту ночь.

И тут — несколько часов прусской лазури утекли среди Времени, вновь ставшего неподвижным, — тут она замечает протянутую к стакану руку и, кажется, узнаёт Его с Его такими необычными татуировками, белым быком и корабликом с темными парусами.

Да, это Он, нет никаких сомнений. Во всяком случае, эти руки — Его.

И тогда ее сердце наполняется *sangre y muerte*, потому что все теперь смешалось, она в жалком состоянии, но ее сердце наполняется, и только это важно, так давно этого с ней не случилось.

И вдруг неподвижной становится ночь.

Но когда ее взгляд скользит по руке, чтобы упереться в лицо Мужчины и снова встретить взгляд темных глаз, который еще вчера расколол ее жизнь надвое, лица нет.

То есть нет человеческого лица.

Это и не маска, которую положили бы на лицо, это настоящая голова, выросшая из торса.

Голова быка, красивая, такая красивая, как головы тореро на арене, такая красивая, как головы быков.

Женщина заморожена.

Повернув голову, она, кажется, видит слово *Эгей*, вытатуированное черным на затылке.

Может быть, она снова слышит этот голос, нашептывающий ей *Я проводник в Лабиринте*, а может быть, и нет. Она выпила, слишком много выпила, сегодняшнее солнце убило ее.

Это новое лицо, быть может даже, она его выдумала.

Все это солнце, все это вино, это солнце, это вино, и еще все эти быки?

Мужчина смотрит на нее, долго смотрит в неподвижной ночи, потом бросает ей *Мы не пошли до конца, идем*, и твердой рукой берет ее за руку.

Она ошарашена, ей страшно, но она идет за Ним, выбирать уже не ей.

Солнце, Время и ночь — заговорщики, толкнувшие ее в эти руки, это как рок, записанный на прусской лазури, их окутает ночь. Как в “Кафе де нюи”, ночном кафе, желтые звезды приклеены к синему небу.

[191]

ИЛ 2/2024

Они бегут в лабиринте узких улочек, где за считанные дни она уже терялась столько раз. Она видит освещенные окна и синеву ночи, только это и видит.

Вдали звонят колокола, наверно, в церкви Святого Трофима, и начинается сильный дождь, иссеченный яркими молниями, чтобы освободить день от избытка жары, изнуряющей его, часами и часами, этими часами *sangre y muerte* под неподвижным солнцем.

Ветер сдувает порывистый дождь, и в этом лабиринте узких темных улочек она хочет сказать Ему *Постой, я потеряла Нить*, но уже слишком поздно, они достигли берега Роны, куда она не решилась пойти до сих пор. Еще не видя, она уже знает черную, такую неподвижную поверхность воды и местами воронки или складки на ней из-за дождя.

В своем шальном, растерянном, пришибленном состоянии она снова видит давешний жест толстой цыганки. И на этот раз она понимает, да. Она понимает, но, внезапно так близко к воде, что пользы? По сути своей судьба необратима.

Она вдруг осознает, что забыла спросить у Него, как Его зовут, и что ей бы хотелось, чтобы Он ответил *Инвинсибле*.

Чтобы это имя защитило их, и не было больше смерти, никогда.

Ни *sangre*, ни *muerte*. A las cinco de la tarde.

Они поднимаются, по-прежнему бегом, по ступенькам, ведущим к реке, а она широка и величава. Никакие дурные запахи не сопровождают ее плавное течение.

Мужчина-с-улицы-с-головой-быка все еще крепко держит ее за руку, никуда ей от него не деться, она поняла это теперь, цыганка ей сказала, там, раньше, а она не захотела понять. Мужчина-с-улицы-с-головой-быка все еще крепко держит ее за руку и говорит ей *Ничего не бойся, Я проводник в Лабиринте*, голосом, который она вдруг узнаёт. Потом Он спотыкается — или делает это нарочно, — и так же быстро ледяные воды Роны смыкаются над ними двоими, унося тела, которые не запятнает никакая кровь в этот день *sangre y muerte*.

Их никогда не найдут.

Но арлезианцы не забудут их танец, эту пляску смерти, в то же время священную.

Однажды вечером у бodeги, накануне корриды, *там, в Арле, в Алискампе, в ясный день.*

В месте не для смерти, но для забавы.

На берегу черной и неподвижной реки, которую колышет только дождь, собрались цыгане с гортанными голосами и затягивают душераздирающее песнопение. Толстая цыганка с бубном плачет и подвывает ¡Se lo habia advertido!¹ Остальные цыгане не обращают на нее внимания, смерть им даже нравится, это у них в крови, *sangre y muerte?*

Река может по-прежнему течь — водяной ледяной могилой.

А легенда о Любовниках Роны может начать свою жизнь.

*Арль, сентябрь 2000 –
Брюссель, январь 2016 – август 2022*

1. Я его предупредила! (Исп.)